

Гавриил Харитонович Попов

*Президент Вольного экономического общества России,
президент Международного Союза экономистов,
президент, почетный академик
Международной Академии менеджмента,
советник Мэра Москвы, академик РАЕН,
д.э.н., профессор*

31 октября 2015 года состоялся очередной съезд Вольного экономического общества России. Очередной, но не ординарный. В этот день ВЭО исполнилось 250 лет со дня его основания Екатериной II, одоббившей инициативу группы влиятельных передовых вельмож империи.

Возглавляя ВЭО уже почти четверть века, я, как президент, одной из важных своих обязанностей считал соблюдение традиций этой первой и старейшей общественной организации России. Среди таких традиций – постоянное сочетание внимания по всему комплексу актуальных проблем страны с не менее постоянным вниманием к долгосрочным стратегическим проблемам развития.

Это внимание логично. Страна такого масштаба, как Россия, не может успешно решать свои актуальные и острые проблемы, не имея долгосрочной перспективы. Не учитывая того, что великий русский экономист XX века Н.Д. Кондратьев называл «длинными волнами», а теория современной футурологии – «дорожной картой». Когда-то, в начале XX века, российские социал-демократы использовали предложенную Г.В. Плехановым формулу «программа – максимум».

В истории Вольного экономического общества России есть два примера и исключительно успешного, и исключительно печального подхода к определению долгосрочной стратегии.

В самом начале своего существования, в 1766 году, ВЭО провело конкурс на тему о производительности крестьянского труда. И за четверть века до указа о вольных хлебопашцах, за полвека до восстания декабристов, почти за сто лет до начала реформ Александра II, ВЭО присудило премию докладу, в котором были доказаны преимущества свободного крестьянского труда. Даже Великая французская революция началась на двадцать лет позже!

Что может быть более достаточным для научного общества, чем то, что оно сумело на сто лет определить главную задачу своей страны?

И вторая история. Начиная со дня своего воссоздания в 1982 году, Научно-экономическое общество СССР выдвигало очень важные идеи о путях совершенствования экономики. Но самого главного вывода – о необходимости замены тотально огосударственной экономики экономикой постиндустриального типа – мы в советские годы так и не сделали.

В результате к началу революции 1989–1991 годов мы не предложили стране на выбор модели реформ экономики. Свято место пусто не бывает. Умы лидеров новой России были девственно чисты в отношении экономических теорий. И пустоту без дискуссий заполнили модели монетаризма, шоковой терапии, глобализма и т.п.

Что может быть обиднее для научного сообщества, чем то, что оно могло предложить стране эффективный путь, но не сделало этого?

С учетом всех этих соображений я и посвятил свой доклад на съезде ВЭО анализу долгосрочной стратегической перспективы России.

Во время съезда, на пресс-конференции, журналисты задали мне массу вопросов.

Достигли мы «дна» кризиса? Правильна ли политика ЦБ в отношении процентных ставок? Надо ли было отвечать на санкции Запада санкциями принятыми или другими? И т.д. И т.п.

На такие вопросы у меня был ответ – мнение не очень популярного сегодня В.И. Ленина: «Кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя натывать на эти общие вопросы и обрекать свою политику на шатания и беспринципность». Вот и я считаю, что заданные вами вопросы – частные. А главное сейчас – именно общие вопросы. И только в свете стратегии можно начать думать о частностях.

Исходным в стратегии я считаю проблему курса на великодержавность России.

1. Уроки истории

История России – это опыт следования двум долгосрочным курсам. Один – роль ведомого. Другой – роль самостоятельной державы, великодержавность.

Во времена Киевской Руси первое русское государство приняло ориентацию на ведущего – Византию. Эта роль ведомого дала Руси и религию, и культуру античности, но не спасла от разгрома монголами.

Потом и Западная Русь, и Восточная Русь продолжили линию ведомых. Западная – при Литве и Польше. Восточная – при Золотой Орде. Западная Русь оказалась перед перспективой окатоличивания. А Восточная – перед перспективой исламизации.

Но если Западная Русь – то сопротивляясь, то подчиняясь – в основном осталась в роли ведомого, то в Московском княжестве сформировалась идея замены роли ведомого на самостоятельную роль. Появилась концепция: «Москва – Третий Рим». Идея своего пути. Идея великодержавности.

Именно под знаменем курса на великодержавность Московия смогла объединить русские земли. Но сидение на двух стульях – боярском и дворянском – не могло быть опорой великодержавности в XVII веке и в итоге – Смута.

Спасение России пришло благодаря тому, что великодержавность Московии сменилась великодержавностью романовской империи. Россия за три века стала одной из главных держав Европы.

Но империя, пытаясь усидеть на двух стульях – феодальном и капиталистическом, не сумела обеспечить к XX веку внутри страны эффективную базу великодержавности. И погибла в бурях трех русских революций.

Ленин и большевики смогли сохранить Россию, изменив модель великодержавности. Они избрали курс на Россию как сначала первую, а затем и главную страну будущего всей планеты – мирового социализма. Этот курс включал великодержавность в новом виде. При этом курсе Россия, ставшая СССР, превратилась во вторую державу планеты.

Но внутренняя противоречивость модели государственного-бюрократического социализма привела к тому, что цена советских успехов стала исключительной. Десятки миллионов человеческих жизней. Разрушение природы. Уничтожение фундамента нации – крестьянства. Иждивенчество. Отсутствие инициативы. И – как итог – недостаточные стимулы для научно-технического прогресса в эпоху научно-технической революции.

Поэтому СССР, как и старая Россия, не смог обеспечить великодержавность эффективной внутренней базой. И СССР в конце концов распался, просуществовав втрое меньше московской и вчетверо меньше романовской эпох.

Ельцин и сплотившаяся вокруг него часть бывшей советской бюрократии, растерявшись, избрали отказ не только от бюрократического социализма, но и от великодержавности. Избрали путь ведомого. Путь, говоря словами Александра Бека из его книги «Новое назначение», «Тишляндии». Путь – говоря словами Молчалина из «Горе от ума» – «умеренности».

Этот курс правящих кругов России оказался курсом соглашательства. Курсом подчинения. И – как итог – компрадорства.

Символом этого курса стал министр иностранных дел Козырев, который на фотографии какого-то совещания в Европе сиял от счастья, получив место в третьем ряду.

А сегодня символом этого курса являются министры, бросающиеся каждое утро узнать цену нефти и курс доллара. Они отказываются что-то точное сказать о ситуации через шесть месяцев. Но зато браво рассуждают о том, что будет спустя два года.

Один из моих учителей, входивший в единственную за всю советскую историю группу ученых-экономистов, удостоенных в СССР Государственной премии, Л.Я. Берри, рассказывал мне одесский анекдот: «— Абрам, почему ты каждое утро бегаешь в ларёк за газетой «Правда»? — Должен же я с самого утра знать свое мнение». Наши министры недалеко ушли от метода этого одессита, заменив «Правду» на Интернет.

Но если говорить не о символах, то итоги следующие.

Да, Россия уменьшилась существенно — и по населению, и территориально. Десятки миллионов русских впервые в истории остались за границами Родины. Россию характеризует то, что в Израиле называют «диаспорой», а в Китае — «хуацяо».

Но было бы серьезной ошибкой, подобно иным пропагандистам, считать десятилетие Ельцина только периодом «Смуты», «лихими девяностыми».

Во-первых, удалось осуществить — пусть в худшем из возможных вариантов — номенклатурно-олигархическом — великий исторический перелом — выход из бюрократического социализма.

Во-вторых, переход к постиндустриализму удалось осуществить без крайностей и жестокостей российского бунта, без крови гражданской войны.

В-третьих, в ельцинское десятилетие удалось сохранить и продолжить принесенную перестройкой Горбачева свободу печати, собраний, демонстраций.

В-четвертых, впервые после периода между Февральской и Октябрьской революциями 1917 года в стране пыталась утвердиться демократия — с разделением властей, конкурирующими партиями, влиятельной оппозицией, во многом контролирующей парламент и являющейся властью во многих регионах.

В-пятых, удалось сохранить основную часть России в качестве большой страны с проживающей в ней основной частью русского народа.

В-шестых, Россия осталась ядерной державой.

В-седьмых, на месте советских заводов, совхозов, колхозов, банков, министерств появились пусть далеко не лучшие, но учреждения уже постиндустриального типа.

В-восьмых, получили свободу предпринимательство, малый и средний бизнес, пусть даже в варварском виде челночества.

Обобщенно говоря, удалось **создать ряд важных элементов постиндустриального строя.**

В то же время за ельцинское десятилетие никакого подлинного рынка и подлинной конкуренции как движущих сил экономики в России не появилось. Появился московский Черкизон.

Никакого подъема реальной экономики не произошло.

Масштабного роста благосостояния масс тоже не было.

Демократическая система оказалась обремененной контролем над средствами информации денежных мешков, попытками представительной и исполнительной властей вместо налаживания сложной системы взаимодействия утвердить свое полномасштабное всевластие в старом советском духе, отказались от обеспечения независимости третьей и четвертой властей.

А демократия представлена губернатором, считающим себя вправе управлять, если на выборы пришло менее 20% избирателей и он получил большинство среди этих голосовавших, то есть имея всего 10% голосов населения.

Все ельцинское десятилетие Россия держалась сначала на кредитах, а затем и на ренте от вывозимого природного сырья.

Компрадорская Россия не могла иметь будущего. Было ясно, что от нее начнут в поисках лучшей судьбы отделяться сначала национальные автономии, а затем и российские регионы. Пошли уже разговоры об Уральской республике, воспоминания о Дальневосточной. Возникла реальная угроза для самого сохранения России.

И в этот критический момент в личности Ельцина его народная, крестьянская, русская части взяли верх. Он мужест-

венно решился на три меры. Первая – признать свою неспособность оставаться лидером и добровольно уйти самому в отставку. Вторая – выставить до этого из Кремля своих многолетних друзей. Третья – передать власть не гайдаровской, компрадорской, а наиболее пророссийски настроенной части своего окружения.

В.В. Путин, став президентом, проявил государственную мудрость, повернул руль России к ее многовековой великодержавности. Его курс: Россия и в XXI веке должна остаться одной из великих держав.

Этот курс продиктован не только внутренними причинами, но и сложившейся в мире начала XXI века ситуацией. США не справились с ролью лидера глобализующейся и интегрирующей цивилизации всей планеты. А Германия не смогла предложить Европе приемлемую и реальную модель европейской интеграции. И страны третьего мира, и часть бывших социалистических стран обратили внимание на собственные интересы при глобализации и интеграции. В итоге в мире поднялась волна национализма в большинстве стран и великодержавности в группе главных стран мира. США выдвинули на первое место интересы своей страны.

В такой ситуации курс В.В. Путина на возвращение к российской великодержавности более чем логичен.

Однако надо видеть реальность. А она в том, что борьба двух генеральных курсов продолжается в России до сих пор. В основе борьбы – две проблемы. Первая – сопротивление курсу на великодержавность. Вторая – «наследственная» слабость прошлой российской модели великодержавности.

2. Проблемы современной великодержавности

Сначала о **сопротивлении** великодержавности. Кто против великодержавности России?

Мне понятны те круги Запада, которые против России в семье великих держав.

Мне понятны возражения и тех людей в России, которые нажились на приватизации и экспорте сырья, перенесли на Запад родовые гнезда, создали там «запасные аэродромы».

Мне понятны и те в Кремле, Белом доме и всем аппарате, кто занял свои посты во времена соглашательского курса и которые опасаются при новом курсе потерять должности, а то и отвечать за прошлые годы.

Мне понятна позиция и иных деятелей интеллигенции, которых компрадорская Россия поставила в ситуацию, когда их единственным реальным источником выживания является заработок за границей.

Ни с кем из этих противников великодержавности я не считаю нужным полемизировать. Здесь все ясно.

Но есть те, кого я уважаю и поэтому доводы которых я обязан рассматривать.

Одним из таких неуклонных противников великодержавности был мой недавно умерший друг, коллега по председательству в Межрегиональной Депутатской Группе первого Съезда народных депутатов СССР, подлинный русский интеллигент – Юрий Николаевич Афанасьев.

Первый довод честных оппонентов великодержавности. Россия три раза избирала курс на великодержавность. Очень дорогой ценой, с огромными жертвами, но добивались успехов. Однако в конечном счете все заканчивалось катастрофами. Смутное время, революции начала XX века, распад СССР в конце XX века. Поэтому пора сделать вывод: великодержавность – не наш путь в будущее.

Да, отвечаю я, все три модели великодержавности закончились катастрофами. Но является фактом и другое. Без великодержавности Россию тоже ждет катастрофа. Она не сохранится. Возможно, будет несколько русскоговорящих стран, но России уже не будет. Не будет всего того, что я с ней связываю, – начиная с ее великой литературы и культуры в целом.

Так что вопрос в позиции. Если мне нужна Россия, то я не могу не думать о ее великодержавности. Другая Россия мне не нужна. Погибший в боях под Москвой поэт Павел Коган, автор знаменитой «Бригантины», хорошо написал в одном из своих стихотворений: «...И пусть я покажусь им узким / И их всесветность оскорблю, / Я – патриот. Я воздух русский, / Я землю русскую люблю...»

Второй довод честных оппонентов. Запад – идеал свободы вообще и, особенно, свободы личности. А курс на великодержавность отдалит нас от этого идеала.

Мой ответ. Запад – уже давно не внедискуссионный идеал. Великий русский мыслитель XX века Николай Бердяев писал в статье «Анархизм – явление русского духа»: «...на Западе гуманизм себя исчерпал, пришел к кризису... Повторить с запозданием западный гуманизм Россия не может». А другой выдающийся русский идеолог XX века Иван Ильин в работе «О русской идее» писал, что «нет единой, обязательной «западной культуры», перед которой все остальные «темнота» или «варварство». И далее: «хороши мы... или плохи, мы призваны идти своим путем... творить, а не заимствовать».

Эти выводы актуальны и сегодня. Что это за идеал, который сотрясают регулярные кризисы? Что это за идеал, если в ряде стран Европейского сообщества безработица среди молодежи – 40%? Что это за идеал, если Запад оказался бессилен перед проблемами третьего мира? Что это за идеал, в котором происходит массовая деинтеллектуализация, а то и дебилизация, «планктонизация» основной и растущей части населения?

Но еще важнее то, что именно на самом Западе поднимается волна антизападной активности. Антиглобалисты. Противники Уолл-стрит. Противники общества потребления. Зеленые. Сторонники установления пределов роста и для населения, и для экономики. На Западе занимается заря новой антизападной цивилизации.

И вывод логичен: Мы – европейцы. Но сегодняшний Запад для нас не абсолютный идеал. Мы должны думать о своем пути.

Третий довод честных либералов. В заботах о великодержавности часто страдает, а то и вовсе исчезает личность. Ксения Собчак в одном интервью все четко сформулировала: я хочу иметь право на свое маленькое буржуазное счастье.

Ксения Анатольевна, с одной стороны, логична. Я далек от призывов «жила бы страна родная и нету других забот». Право на личное счастье имеет каждый живущий. Он ведь живет во Вселенной один раз.

Но я хочу не просто благополучно жить, но и жить именно в России. И нигде больше. А никакое мое личное счастье в XXI веке здесь невозможно, если Россия не будет великой. Если сторонник личного счастья этого не принимает – ему надо уехать из России. Надо выбирать другой климат.

Четвертый довод честных оппонентов. Вместе с великодержавностью возвратятся все ее родовые болезни. Шовинизм. Квасной патриотизм. Восторги перед примитивизмом. Консерватизм, включая защиту отсталости. Опасность оправдания всех ошибок и даже мерзостей прошлого. И перспектива, что под флагом великодержавности в элиту ворвутся карьеристы-середняки, а то и негодяи. Но самая главная опасность великодержавности – опасность тоталитаризма и авторитаризма.

Я честно отвечаю: да, все эти (и не только эти) опасности поворота к великодержавности – реальные. От них нельзя уйти. Их нельзя не замечать. С ними надо бороться: везде, постоянно, масштабно, публично.

Теперь о второй проблеме – о **содержании** самого курса на великодержавность.

В основе катастроф великодержавности прошлого было одно и то же, повторяющееся. Внешнеполитическая вели-

кодержавность не была обеспечена главным – внутренним фундаментом.

Если сейчас, возрождая курс на великодержавность, не учесть этого, то все может повториться.

Поэтому центральной проблемой является не только борьба с оппонентами великодержавности, но и с попытками примитивного повторения прошлого. Поэтому самое главное сейчас – **решительные усилия по формированию новой модели великодержавности России для XXI века.**

У России есть пример. Лидер Китая Си Цзиньпин тоже говорит о «великом возрождении китайской нации». Но Китай главным считает создание внутреннего фундамента этого величия. Успехи Китая, избравшего путь «китайской специфики», убедительны, несмотря на очевидные проблемы.

В чем должна состоять **новизна** модели великодержавности? На мой взгляд, есть три главных узла. Во-первых, новая линия в отношении главных опор великодержавности. Во-вторых, новая модель экономики. В-третьих, новая модель социального, политического, административного механизмов России.

3. Десять опор великодержавности России

Великодержавность России опиралась в течение ее многовековой истории на многие факторы. Ее размер и ее природные богатства. Величина населения. Культура русского и других народов страны. Уровень элиты и лидеров. Но особую роль играла военная сила. Как говорил император Александр III, у России всего два надежных союзника: ее армия и ее флот.

Но для XXI века этого недостаточно. Для нашей эпохи я бы обозначил десять опор, традиционных и новых.

Первое. Мы опираемся на наши вооруженные силы. На ракетно-ядерный потенциал.

Второе. Мы опираемся на экспорт углеводородного и другого сырья.

Третье. Мы опираемся на воссоздаваемую в последнее десятилетие российскую продовольственную независимость.

Четвертое. Российский лес. Необходимо сделать мощным резервом нашего будущего освоение ежегодного естественного прироста древесины. Это десятки миллионов тонн ценного возобновляемого сырья. Нашими лесами должны заниматься не пожарники из МЧС.

Пятое. Российская Арктика и ее богатства. Надо создать общегосударственный центр по проблемам освоения Арктики.

Шестое. Одноэтажная Россия. Веками наш народ жил на земле, держался за землю, сформировался на земле, защищал ее кровью. Советская коммунистическая система обезземелила народ, уничтожила его «корни». Надо вернуть основную часть граждан на землю, дав каждой семье «гнездо» – дом и надел. Дать, говоря словами известной песни «скамью у ворот». Чтобы дети растили и овощи, и домашний скот, и птицу. Чтобы пенсионеры не томились возле телевизоров, имея заботы на участке. А взрослым Интернет позволяет работать и вдали от учреждения, оставаясь дома. Россия должна в основном стать одноэтажной.

Под это надо передать миллионы гектаров самых лучших земель. Прежде всего в Центральной России (осушив, возможно, часть водохранилищ, особенно волжских). И решить исключительно важную для будущего России проблему возвращения основной части народа на землю, проблему «укоренения» народа.

Седьмое. Генофонд России. Надо радикально улучшить генофонд России. Надо гарантировать появление полностью здорового нового поколения. Мобилизовать все научные силы, чтобы знать все о здоровье будущего ребенка до рождения. И иметь страну, в которой при здоровой нации почти не будет кандидатов для Паралимпийских игр.

Восьмое. Пресная вода России. Надо сохранить Байкал как главный резерв пресной воды и для России, и для экспорта.

Девятое. Комплекс мер по резкому увеличению доли электроэнергии от ветра и солнца. Получение энергии от внутривоздушного тепла, от приливов.

И, наконец, **десятое.** Надо развивать идеологию и культуру новой великодержавности.

Но все эти десять опор для новой великодержавности России XXI века, как говорят в математике, условия **необходимые, но недостаточные.**

4. Главная опора великодержавности

Что может стать **главной** опорой великодержавности России в XXI веке? **Только то, что сделает ее незаменимой для человечества в этом веке.**

В XXI веке будущее человечества связано с научно-техническим прогрессом. Поэтому именно **в этой области** надо искать главную опору великодержавности России.

Научно-технический прогресс – это комплекс теоретической науки, прикладной науки, опытно-конструкторских разработок, экспериментальных производств.

В каждом из звеньев этого комплекса у нас есть примеры очевидных успехов. Но все же надо выделить сферу, **где мы сможем быть первыми** устойчиво, постоянно и – что существенно – без значительных затрат.

Такая сфера есть – это теоретическая наука. История показала, что только в Западной Европе и России формировалась и развивалась теоретическая наука.

И главным направлением должно стать закрепление за Россией роли **одного из мировых центров теоретической науки.**

Это та область, где мы можем выдержать любую конкуренцию.

Это та область, где мы с самого начала имеем уже сейчас фору.

Это та область, где нас нельзя заменить.

Поэтому это то, что станет главной опорой великодержавности России в XXI веке.

К сожалению, сейчас нам многого недостает.

Никакое развитие комплекса теоретических наук невозможно, если в обществе не будет могучей культуры, ориентированной на развитие интеллекта, и не будет ориентированного на интеллект образования.

Реорганизация Академии наук не выдвинула на первое место теоретическую науку.

И что может быть показательнее, чем позорная история с великим математиком современности Григорием Перельманом, для которого в нынешней России не нашлось места. Между тем в XVIII веке великий математик Западной Европы Лейбниц работал для России, удовлетворенный и условиями, и отношением к себе.

Об отношении нынешней России к науке наглядно говорит и состоявшаяся на телевидении дискуссия о том, чье имя должно представлять Россию.

В заключительном списке претендентов не было имен наших всемирно признанных нобелевских лауреатов Ивана Павлова, Петра Капицы, Льва Ландау. Не было даже Юрия Гагарина, имя которого символизирует самое великое событие XX века.

При таком игнорировании науки, при навязываемой ежедневно на всех главных телеканалах масс-культуре, при засилье на телевидении в качестве ведущих люмпен-интеллигентов, набивших руки в передачах о семейных дразгах или о кухонной стряпне, формирующих из народных масс разного рода «планктоны» – офисный планктон, телевизионный

планктон, интернет-планктон, планктон спортивных болельщиков, – превращение России в один из центров мировой теоретической науки будет задачей сверхтяжелой.

Вместо России с таким отношением к науке должна появиться страна, где главный слой общества – интеллигенция, а в ней главная часть – ученые. Где ребенок с задатками ученого выделяется уже в детском саду. Где сфера теоретических наук – самая престижная в обществе. Где есть все то, чего не получил в России сегодня Григорий Перельман. Где оплата и условия труда и жизни ученого вдвое, втрое лучше, чем где бы то ни было на планете. Где каждый оказавшийся в руках государства свободный рубль идет на теоретическую науку. Где губернаторы будут прежде всего отвечать за достижения региона в области теоретической науки. Где банки будут прежде всего искать объекты для инвестиций среди студентов, аспирантов, ученых, лабораторий, институтов – из-за самых высоких процентов, гарантированных государством.

Великодержавность России XXI века – это великодержавность интеллекта. Великодержавность интеллигенции. Такой великодержавности Россия не знала. Такая великодержавность нужна ей в XXI веке.

5. Экономика новой великодержавности

После отставки Ельцина прошло пятнадцать лет. Срок немалый. Немало и достигнуто. Символом успехов стали восстановление мира в Чечне, возрождение современного военно-промышленного комплекса, модернизация вооруженных сил, мирное воссоединение Крыма с Россией.

Но является фактом, что **мы не имеем экономики, нужной стране, претендующей в XXI веке на великодержавность.**

Главная, глубинная основа всех проблем экономики страны – в **двойственности** ее нынешней системы.

Одна часть – это реформированная (плохо, чаще очень плохо, но все же реформированная), постиндустриальная.

Но не менее 60% народного хозяйства – все то, что называется непроизводственной сферой – здравоохранение, образование, наука, культура, спорт – в основном остается старым, советским.

Со всеми болезнями социализма: бесплатность, отсутствие конкуренции, отсутствие заинтересованности, господство бюрократии, иждивенчеством и интеллигенции, и народных масс, нехваткой средств и неэффективным использованием тех, которые имеются.

В чем-то Россия сегодня напоминает мне Россию восьмидесятых годов XIX века. Тогда завершилось двадцатилетие первого комплекса Великих реформ 1861 года. Но Александр II был убит, новые реформы не начались. Россия осталась сидеть на двух стульях: феодальном и капиталистическом. И все закончилось революциями.

Сидеть на двух стульях невозможно. Это известно по опыту НЭПа. Это известно и по попыткам в общем-то перспективных реформ Хрущева, Брежнева, Косыгина.

Для преодоления «сидения на двух стульях» необходимы **реформы в производственной сфере.**

Надо разукрупнить все гиганты и убрать главную основу монополизма.

Надо добиться, чтобы малый и средний бизнес стали преобладающими.

Надо изменить структуру производственной базы страны.

Надо провести радикальную модернизацию технической базы.

Но самая необходимая, самая актуальная, самая неотложная задача России сегодня – **реформировать непроизводственную сферу, осуществив второй комплекс реформ.**

В этой сфере надо сделать все то, что нужно для выхода из бюрократического социализма. То, что сделано в производстве и обращении. Осуществить разгосударствление. Перейти от тотального огосударствления к обязательным в постиндустриализме трем блокам: независимое частное, независимое коллективное, государственная часть.

Надо сделать так, чтобы деньги, которые общество выделяет для учителей или врачей, шли сначала гражданам. И затем – от них – учителям и врачам, минуя чиновников. И главными станут решения самих граждан. Для этого надо все деньги, выделяемые государством, скажем, на образование, раздавать гражданам в виде чеков на образование.

В непроизводственную сферу должны войти конкуренция, борьба и за эти чеки и за дополнительные деньги потребителя. Тогда в ней начнется рост эффективности. Лучшей будет школа, которую выберут родители. А не та, директор которой любезен губернатору или учителя которой преподают одобренную губернатором историю и исправно ходят на митинги по командам этого же губернатора.

То же самое со здравоохранением. И с вузами. И с культурой.

На каждом шагу нас пугают: «Вы хотите бесплатное сделать платным!». Нет ничего бесплатного. Все эти системы живут за наши деньги. Но эти деньги отбирают у нас чиновники. Затем они ими распоряжаются. И по одной и той же схеме. По своему «разумению» и в свете своих интересов.

На каждом шагу нам лгут. Бесплатность якобы нужна для народных масс. Она – основа справедливости.

Но более чем очевидно, что «котел» бесплатности тает и будет таять. Особенно в свете роста расходов на науку и оборону.

Далее, бесплатность – это вовсе не справедливость. Это бесплатная больничная койка для обычного гражданина и бесплатная палата для бюрократа.

Бесплатность – опора власти бюрократии, распоряжающаяся якобы бесплатным. И никогда не будет свободного голосования людей, получающих зарплату из бюджетного котла. Не случайно десятки лет во многих демократических странах получатели государственных зарплат вообще не имели права участвовать в голосованиях, что я сам наблюдал во время выборов в США президентом Д. Картера.

Демократа, не понимающего, что без разгосударствления непроизводственной сферы невозможна независимость основной часть интеллигенции и, соответственно, невозможна подлинная демократия, нельзя назвать демократом.

И еще очень, очень важное. Разгосударствление непроизводственной сферы позволит освободить государство от подсчета числа мест в детских садах, от заботы о качестве простыней в больницах. Освободившись, государство бросит все силы на решение главных задач России. Уйдет оттуда, где без него можно обойтись, и сосредоточится там, где без государства успех невозможен.

К реформе непроизводственной сферы надо приступать немедленно. **Новая великодержавность России XXI века – это великодержавность новой, полностью постиндустриальной экономики – и в сфере производства и обращения, и в непроизводственной сфере.**

6. Механизм новой великодержавности

Новая великодержавность требует полного обновления не только ее опор, не только новой экономики, но и нового механизма всего общества.

Механизм великодержавности – это ее социальная структура, ее политическая структура, ее административная структура.

Попытаюсь обозначить главные компоненты нового механизма великодержавности (объединив, для наглядности, тоже в десять блоков).

Первое. Изменение роли интеллигенции в российском обществе. Если мы действительно хотим создать новую великодержавность на основе концепции «Россия – один из главных мировых центров теоретической науки и научно-технического прогресса», то мы неизбежно должны прийти к выводу о необходимости превращения интеллигенции в главный, ведущий слой общества. К выводу о необходимости «дебюрократизации» или, используя советский штамп, «раскулачивания» бюрократии.

Творчество – это всегда поиск нового, это всегда «выход из строя». Это всегда нарушение равенства. Все виды творчества – и научное в том числе – это разнообразие, это неравенство. Это не газон из одной травы, а пестрый цветник, в котором, говоря словами известного китайского лозунга, должны «расцвести сто цветов».

Поэтому вместо общества, в котором главным был знаменитый принцип «равенства», должно утвердиться общество с узаконенным разнообразием, с узаконенным неравенством. И самое исходное – это выделение людей интеллектуального труда, интеллигенции.

А в качестве первого шага к усилению роли интеллигенции можно было бы восстановить «принцип Горбачева». Горбачев никогда бы не получил – даже при свободных альтернативных выборах – четко ориентированную на радикальные реформы весомую часть депутатов первого Съезда народных депутатов, если бы не выделил интеллигенции треть депутатских мест. И сейчас необходимо не менее 1/3 мест и в Думе, и в Совете Федерации, и во всех региональных и местных органах закрепить за интеллигенцией.

Второе. Россия должна от принципа **национально-территориальной** автономии перейти к принципу **культурно-национальной** автономии.

Миграция национальных кадров по стране огромная. Нации рассеиваются. Все, считающие себя частью какой-то

нации, образуют по всей стране свои национальные союзы: местные, региональные, общероссийские, члены которых платят специальный налог своему союзу.

По всей России, в любой школе, один день в неделю должен быть отдан национальным сообществам для изучения своего языка, культуры, истории. При сообществах будут театры, музеи, клубы.

По всей вертикали органов представительной власти в них создаются Палаты национальностей, членами которых будут представители национальных союзов.

И в любой части России любой гражданин сможет полностью решать свои национальные проблемы. Только при национально-культурной автономии великодержавность России сможет быть прочной, так как будет опираться на национальный мир внутри общества.

Третье. Необходим комплекс мер по обеспечению **социальной справедливости** и, в итоге, **стабильности** в обществе. Российский менталитет пропитан идеями справедливости. И мы должны быть примером для всего человечества. Как минимум нужны четыре группы мер.

Первое. Установление предельных размеров собственности члена общества.

Второе. Установление предельного размера потребляемой на личные нужды части своего годового дохода.

Третье. Установление предельного объема наследства: и в целом, и для каждого наследника. Не могу не напомнить о замечательном почине Владимира Олеговича Потанина. Такие почины надо защищать законами, отмечать наградами, постоянно освещать на телевидении.

И последнее. Предоставление создателю дохода права частично распоряжаться, а частично участвовать в решениях об инвестициях той части его дохода или его собственности, которая у него отчуждается. Например, через создание Фонда его имени.

Четвертое. Для решения долгосрочных проблем необходимо введение – по Конституции – **Главной плановой комиссии России.** Чтобы у долгосрочных проблем будущего появился куратор.

Главплан должен учесть великий опыт первых в мире центров долгосрочного планирования – советского Комитета ГОЭРЛО и советского Госплана.

Должна быть разработана процедура формирования такого органа не при правительстве и не при представительных органах, а как независимой структуры. Например, в Главплан России должны автоматически вводиться бывшие первые лица страны: президент, премьер, руководители палат, а также занимавшие свои посты не менее десятка лет губернаторы и министры. В Главплан должны делегировать своих представителей Академия наук, творческие союзы, объединения интеллигенции. И, наконец, Главплан должен сам избирать половину своих членов. Члены Главплана – несменяемые. Это будет мозговой центр страны, не участвующий в текущей политике.

Пятое. Госсектор в экономике надо дистанцировать от политических компаний. Руководители государственных и муниципальных хозяйственных организаций – от Газпрома до городского катка – должны быть **независимы от исполнительной власти.**

Шестое. Надо преодолеть монополизм в правящем классе. Необходимо от нынешней системы «партия власти – оппозиция» перейти к системе **двух конкурирующих партий власти.** Таков мировой опыт.

Седьмое. Необходимо создать полномочное **первичное звено,** фундамент государства. Это тоже мировой опыт. А.И. Солженицын предлагал восстановить земства. Я думаю, нужны земства и общины как реальные оппоненты бюрократии.

Восьмое. Необходимо обеспечить **независимость судов,** используя идеи одного из лучших законов о российском су-

де, разработанного в 1917 году правительством Керенского. В этом законе судей первого уровня – мировых – избирает население. А судей всех других уровней избирают сами судьи на своих съездах. И у судов свой бюджет из денег «судебного налога».

Девятое. Необходимо обеспечить полную независимость и средств массовой информации. **Четвертую власть тоже должен напрямую и формировать, и содержать народ.** Напрямую журналистов должны избирать граждане. А вот все свои организации – от журналов и газет до телевидения – журналисты должны формировать сами.

Десятое. Необходима такая **система госслужбы**, в которой 90% администраторов и их карьера не зависят от исхода выборов. Но находиться служащий на одном посту может не более десяти лет.

Главное – надо признать, что нынешние механизмы не готовы к задаче существования России в XXI веке в качестве великой державы и нуждаются в реформировании.

Новая великодержавность России – это **великодержавность демократии нового типа.**

7. Не наступать на грабли прошлого

Насколько мы готовы к новой великодержавности?

Народ – судя по грандиозной стихийной демонстрации с портретами участников войны или же набирающему силу массовому празднованию Дня народного единства – этап сосредоточенности прошел и входит в стадию активности.

Интеллигенция и средний класс тоже хотят перемен. На митинг на Болотную площадь в Москве бросились десятки тысяч. Но быстро поняли, что это не то, чего они ждут. Ни о какой программе радикальных реформ не было и речи. Только призывы к честным выборам и очищению. И намеки на то, что «мы готовы возглавить страну».

Но, говоря словами Высоцкого: «зрители устали от укротителей». Они хотят строителей. Но сами по себе ни большинство интеллигенции, ни большинство среднего класса к формированию долгосрочных стратегий в принципе не пригодны. Стратегия создается элитой нации и оформляется высшим руководством.

Но элита нации еще не дошла до стадии, которую Игорь Губерман образно описал так: «Всюду, где собрались два еврея, – спор о судьбах русского народа».

Процесс внутреннего «созревания», как мне кажется, уже завершается. Дискуссии, споры вот-вот начнутся. Везде – от традиционных кухонь и дач до кафе, курилок и Интернета. Элита не просто «беременна» новой дискуссией. Она уже **знает**, что беременна. Знает, что **должна** родить.

Намного сложнее дело с руководством. В нем сторонники новой великодержавности пока что в очевидном меньшинстве. И нерешительны.

Поэтому главная проблема сейчас – субъективная готовность руководства страны.

Великодержавность России раскрывала свой потенциал, когда в стране были авторитетные национальные лидеры – Иван III, Петр I, Екатерина II, первые советские вожди.

Сейчас у нас такой лидер есть – президент В.В. Путин. В недавнем интервью для телевидения США Владимир Владимирович изложил, на мой взгляд, содержательную концепцию модели лидера нового типа.

В главном – в осознании необходимости идти путем великодержавности – руководство страны уже заняло правильную позицию.

Но – только в части внешнеполитической. А вот в отношении формирования концепции новой великодержавности и, тем более, реализации мер по созданию для внешнеполитической великодержавности внутренней опоры – все далеко не однозначно.

Между тем опыт трех великих катастроф российской великодержавности – и московской, и императорской, и советской – показывает, что именно **отсутствие под внешнеполитической великодержавностью должной внутренней базы было главной причиной этих катастроф.**

В свете этого опыта наиболее опасное сегодня: продолжение сидения на двух стульях, консервация существующего, уклонение от глубоких реформ по формированию новой великодержавности XXI века.

Приведу четыре примера.

Все знают, что мировая цена на нефть за три последних года снизилась чуть ли не вдвое.

В нормальной рыночной экономике должна снизиться и цена на бензин. А у нас? Снизилась ли вдвое или хотя бы на треть цена на бензин? Нет. Почему? Да потому что гайдаровцы из правительства следуют своей теории только в речах на гайдаровских форумах. А на практике они по-советски, по-большевистски, своей волей решили возместить потери от экспорта за счет потребителей бензина в России.

Это и есть российская модель сидения на двух стульях.

Второй пример. Центральный банк чуть ли не еженедельно объявляет об отзывах лицензий и банкротит им же лицензированные частные банки.

В нормальной рыночной экономике банки тоже банкротятся. Но банкротят их конкуренция и рынок. А у нас это делает ЦБ: по-советски, по-большевистски, своей волей. И все идет закрыто. И решают те, кто и выдавал частному банку лицензию, и контролировал его. В итоге страдают только граждане – вкладчики.

Когда в ЦБ пришла Э. Набиуллина – рыночница и либерал, я думал, что советские методы уйдут. А если было что-то незаконное – на это существует в правовом демократическом государстве Следственный комитет, Прокуратура, Суд. Но и при рыночнице и либерале все по-прежнему решается без конкуренции, без публичного судебного разби-

рательства. Вероятно, гайдаровцы из ЦБ опасаются, что некомпетентные в финансово-банковских делах следователи, прокуроры и судьи могут начать интересоваться тем, не «погрелся» ли кто-то в самом ЦБ и при выдаче частному банку лицензии, и при систематических его проверках, и, наконец, в ходе лишения его лицензии.

В газете РБК я прочитал, что чуть ли не четверть частных банков России отчитываются перед ЦБ в **ежедневном** режиме и, соответственно, **ежедневно** контролируются им. Не подлежит сомнению, что ЦБ стремится перейти к такому контролю над всеми банками.

Как все это мне знакомо! 25 лет назад, когда вместо совнархозов воссоздали министерства, один из лучших советских «маршалов промышленности» министр Константин Руднев каждое утро требовал сводку о положении дел на всех предприятиях своей отрасли. Но в целом при советском командовании о ежедневном контроле в основном только мечтали. Ту систему называли командной, административной, директивной, централизованной. А сейчас это, оказывается, надо считать либеральным и рыночным.

Но я бы назвал нынешнюю систему ЦБ **полицейским либерализмом**. Либеральной на словах, полицейской на деле.

И если при таком ежедневном надзоре в одном из ведущих частных банков ЦБ обнаружил «дыру» в 40 миллиардов рублей, если в каждом из почти сотни ликвидированных ЦБ частных банков везде выявлены «дыры», то единственным логичным может быть вывод: командная система должна быть заменена. ЦБ должен быть упразднен. И заменен чем-то цивилизованным, хотя бы в духе Федеральной резервной системы США, активно и эффективно участвующей в развитии экономики своей страны.

ЦБ – не исключение. Либерально-полицейски руководит вузами Министерство образования и науки. Школами и дет-

садами – местные органы. А сейчас начали внедрять либерально-полицейскую модель и в академической науке.

Ожидать при таком подходе нужных для великодержавности XXI века творчества и инициативы – утопия.

Третий пример. Связь с Крымом через Керченский пролив. Не подлежит сомнению, что только наладив постоянную связь с Крымом, можно решить его проблемы и избежать роста недовольства у жителей Крыма.

Решили выделить деньги. Большие.

Конечно, все знали об огромном опыте московских метростроителей. Все знали о успехе тоннеля под Ла-Маншем. Все знали и о том, что японцы блестяще построили железнодорожный тоннель через Босфор, соединив Азию и Европу.

Но... Ведь деньги-то огромные. И пошли по пути гробового Фамусова – «Ну как не порадовать родному человечку?». И в итоге – выбран мост, все еще недостроенный. И – что возможно – более уязвимый, чем линия электропередач из Украины в Крым. И предмет будущих вождельний всех террористов-смертников или беспилотников с взрывчаткой. Конечно, надо было возместить затраты патриотам-предпринимателям, взявшимся построить порт на Тамани – альтернативу тогда украинскому Крыму. Но зачем страдать Крыму, явно более нуждающемуся именно в тоннеле? Мост нужен, но как дублер тоннеля для мирных и спокойных времен.

И опять причина – в нашей нынешней системе «двух стульев».

Четвертый пример. Попытка начать модернизацию. Конечно, модернизация – это еще не курс на «один из мировых центров теоретической науки», но это уже усилия на правильном поле и в правильном направлении.

Почему не удалась обещанная модернизация? Причин две.

Первая. Кризис 2008 года. Когда разразился мировой кризис 1929 года, в СССР был диктаторский режим Стали-

на. Что делал Сталин в годы Великого кризиса и Великой депрессии?

Деморализованные кризисом страны Запада забыли о блокаде СССР. Они были готовы продавать современную технику, целые заводы. По самым низким ценам кризисных лет. При самых льготных кредитах.

Сталин понимал, что это для него великий исторический шанс провести индустриализацию.

Сталин мобилизовал для закупок за рубежом все резервы валюты. Даже картины Эрмитажа Микоян повез на европейские аукционы.

Сталин решил форсированно провести коллективизацию. Отобрать собственность у крестьян. Вывезти весь хлеб и продать его за золото по демпинговым ценам. А села, деревни, станицы, аулы обречь на голодомор.

За границей закупали все по единому плану первой и второй пятилеток, опиравшемуся на качественные разработки на долгосрочную перспективу дореволюционных русских монополий.

Взвинченные ожиданием обещанного близкого рая, трудились с невиданным энтузиазмом рабочие. Работала техническая интеллигенция, воодушевленная перспективой великого строительства, открывавшего путь всем тем ее разработкам, которые десятилетиями – по словам Маяковского – «на станциях лбов задерживал нищенства тормоз». Под давлением голода крестьяне из колхозов бросались работать на сталинских стройках за мизерную зарплату. А миллионы заключенных вообще работали без оплаты. Помогал Запад. Даже антикоммунист Форд строил в Горьком автозавод. Страшной ценой, но СССР вышел на второе место в мире по объемам промышленного производства.

А что сделало руководство России после начала кризиса 2008 года? Ведь деньги были, и немалые.

Закупало нанотехнологии? Заводы по производству чипов? Заменяло отсталую технику в учреждениях науки, образования и культуры?

Ничего подобного. И не потому, что ему мешали. Оно само главной своей целью сделало спасение денег. Как сказочный рыцарь Пушкина – в виде денежных накоплений. Что-то подобное начал делать в США Буш, но республиканскую партию народ провалил на выборах. И в остром на язык конгрессе США усилия Буша назвали «спасением жирных котов». У нас же назвали научно: «спасение банковского сектора». Банки в России спасли. Но шансы начать модернизацию упустили. Думаю, будущая Россия и ее народы по достоинству оценят исторический просчет тех, кто интересы владельцев денег поставил выше интересов страны.

Но самой важной причиной превращения курса на модернизацию в словесные упражнения стала **кадровая политика**.

И понимая, и видя, что сформированные популистской демократией Ельцина кадры модернизацию «не потянут», руководство решило перейти к принципу тотального назначения. По своему усмотрению. По своей воле. По ему одному известным критериям «доверия». По той модели Н.С. Хрущева, которую снимавший его пленум ЦК КПСС назвал «субъективизмом и волюнтаризмом».

Избираемых в регионах губернаторов заменили назначенцы Кремля и Белого дома. Они – за редкими исключениями – блистательно продемонстрировали свою неспособность руководить. Не только модернизацией, но и вообще чем-либо.

Чтобы не отвечать за своих назначенцев и их «подвиги», руководству пришлось срочно возвращаться к выборам.

Выборы опасный вопрос «кто виноват» сняли, но генеральная проблема – проблема кадров для модернизации – осталась нерешенной. Восстановили популистские выборы,

организуемые и управляемые бюрократией. А они воспроизводят только сложившуюся систему.

Сейчас, когда генеральной проблемой стало дополнение великодержавности внешнеполитического курса курсом на создание для него несокрушимого фундамента великодержавности внутри страны, **проблема кадров становится главной.**

8. О капитанах и штурманах

Нельзя упрощать проблему. Нельзя не видеть ее исключительной сложности. Сложившаяся кадровая система устойчива. Более того, она себя воспроизводит. Она овладела и механизмом популистских голосований, и процедурой волевых назначений. И без ее устранения, без отказа от нее никаких реформ по созданию великодержавности России XXI века не начать.

Надо найти смелость и всем искренним сторонникам великодержавности сделать три вывода.

Первый. В XXI веке спасти Россию может только **новая модель** великодержавности.

Второй. И механизмы рынка (даже социально ориентированного), и самые честные голосования масс (как бы ни были они обязательны и нужны) сами по себе новую великодержавность **не создадут**. Необходимы **сверхактивность элиты** страны и, прежде всего, **усилия руководства.**

Третий. Ключевое звено в усилиях руководства – **новые кадры.**

История нашей страны в XX веке дала нам четыре кадровые модели «крутого» выхода из опасного цепляния за «сидение на двух стульях».

Первая – **«модель Ельцина»**. Сознывая, что он сам проблему решить не может, а продолжать «сидение» опасно, он уходит в отставку, подобрав преемника.

Вторая – «**модель Хрущева**». Хрущев довел ситуацию до крайности. Половину времени уделял внешнеполитическим проблемам, но при этом сумел довести дело до Карибского кризиса, до конфликта с Китаем. А оставшуюся половину времени поделил на две части. В одной – забота о бомбах, ракетах, космосе. В другой – фонтан реформ всего и вся (правда, часовые пояса не трогал), призванный прикрыть отсутствие коренных реформ. В итоге закупки зерна за границей, падение темпов роста экономики, рост инфляции, рост цен, расстрел в Новочеркасске. И, не видя при таком вожде перспектив, члены команды сами отправили его на дачу.

Третья модель – «**модель Сталина**».

В двадцатые годы XX века, после устранения Троцкого, концепция социализма в одной стране победила концепцию мировой революции. Но год шел за годом, а главные для победившей концепции – коллективизация и индустриализация – топтались на месте.

Сталин иступленно верил в возможность социализма в одной стране. Дело, следовательно, не в курсе, а в исполнителях. После ряда чисток его теперь вроде бы окружали преданные ему люди. Друзья по подполью. По революции. По гражданской войне. Они его славословили. Более того – они старались изо всех сил. Но надо было сделать очень тяжелый вывод: они «не тянут». Из-за них топчемся на месте.

И Сталин принял решение. Нужна тотальная чистка аппарата партии и государства. Надо вместо героев подполья и войны найти и выдвинуть тех, кто не на словах, а на деле может реализовать новый курс на социализм в одной стране. Строить и возглавлять заводы, шахты, ГЭС. Армию. Культуру. Науку.

Главное в Сталине – не провозглашение курса на социализм в одной стране. Об этом говорили многие лидеры СССР. Сталин – в чудовищном виде – но осуществил ту чи-

стку кадров, без которой не удалось бы реализовать его курс.

Четвертая модель – «**модель Брежнева и Косыгина**». Напуганные кровавым опытом кадровой чистки Сталина, Брежнев и Косыгин о реформах в 1965 году объявили, но от кадровой чистки отказались и утопили свои же реформы. Вот и вошли они в историю как творцы застоя.

Размышляя обо всех этих четырех моделях, нетрудно понять, что модель Брежнева и Косыгина, модель отказа от кадровых чисток – это модель тупика.

Модели Ельцина и Хрущева решения не дают, а перекладывают проблему на плечи преемников.

Решением являлась только модель Сталина.

Великим становится только тот лидер, который доводит свои идеи до поиска, подбора и расстановки новых кадров, соответствующих принятой им новой концепции. Настоящий лидер тот, кто ради своей новой генеральной линии готов пойти на разногласия и конфликты даже с самыми близкими друзьями. Ведь есть только один путь вырастить новый сад: безжалостно выкорчевывать старые деревья, освобождая места для новых.

Но сегодня, в XXI веке, сталинская модель неприемлема.

И не только потому, что утвердила не отвечающую реальности XX века модель устройства общества – государственно-бюрократический социализм.

Она неприемлема в силу кровавого механизма чистки от старых кадров. Неправ был Рылеев, утверждавший в стихах о Сусанине, что «кровь для России спасала Михаила». Неправ был и другой русский поэт, заявивший, что «дело прочно, когда под ним струится кровь». На крови ничего создать нельзя. Прав был Ф. Ницше, прозорливо отметивший, что тот, кто в борьбе с чудовищем применяет методы чудовища, сам становится чудовищем.

Великодержавность России в XXI веке возможна только как великодержавность интеллектуальная, великодержав-

ность новой демократии. А такая великодержавность несовместима с кровавыми методами кадровых чисток.

Остается вывод: чистка кадров нужна, но она должна быть принципиально новой, соответствующей содержанию новой великодержавности. **Она должна быть цивилизованной.**

Что значит найти цивилизованные формы кадровой чистки? На постиндустриальном этапе развития цивилизации необходимы и голосования популистской демократии, и волевое назначение. Необходимо какое-то их сочетание.

Но и в голосования, и в назначение **надо ввести объективное начало.** Оценку по объективным критериям.

Вспомним успешное сталинское назначение времен индустриализации. Были четкие критерии – ввод заводов, пуск домен, начало работы метро или железной дороги. И пусть примитивные, но четкие меры: тонны стали, метры тканей, центнеры зерна с гектара.

Вспомним другое успешное сталинское назначение – командиров, генералов и маршалов в годы войны 1941–1945 годов. Новые командиры и полководцы, доказывающие свое право «на погоны» в боях.

Вот и теперь новые кадры должны быть найдены и выделены **своими успехами** на главных направлениях утверждения новой великодержавности. Они будут и выделяться, и расти вместе с новой великодержавностью.

Ведь провалы и назначения Хрущева, вылившиеся в крайний волюнтаризм, и назначения Брежнева, превратившиеся в сохранение пассивности, и, наконец, провал назначения губернаторов для обещанного курса на модернизацию крылись **в отсутствии объективного критерия оценки кадров.**

Десятилетиями одной из четких сфер оценки по объективным показателям был спорт: вес поднятого груза, высота прыжка и т.д. Именно трудности с махинациями при таких

показателях привели к появлению у всех желающих «кормиться» на спорте – судей, врачей, руководителей спортивных соревнований и всевозможных чиновников, политических лидеров – готовность или закрывать глаза на допинг, или даже его организовывать.

Цивилизованный отбор кадров требует применения в качестве своей **главной основы – оценку по объективным показателям результатов**. В научном творчестве. В техническом прогрессе. В защите окружающей среды. В усилиях по качеству генофонда. И т.д. И т.п.

Именно по этому пути, по пути формирования и под популистскими выборами, и под административным волевым назначением основы в виде объективной оценки, только и можно идти.

При таком подходе и голосование, и назначение освобождаются от главной опасности: выдвижения «не тех».

При таком подходе путь в новую эпоху великодержавности никому не закрыт – даже самым ярким бывшим монетаристам, даже крутым партократам.

Я полностью согласен с глубокой мыслью Роберта Уоррена из его книги «Вся королевская рать»: «Добро можно делать только из зла, потому что больше его просто не из чего делать».

Подведу итоги. Перед нами возникла, говоря категориями Иммануила Канта, великая «антиномия».

России не выжить в XXI веке без великодержавности. Но России не выжить в XXI веке при сохранении традиционной модели великодержавности прошлого.

России для ее устойчивости нужна в XXI веке великодержавность. Но устойчивость может дать только новая великодержавность, великодержавность коренных реформ по формированию великодержавности интеллектуализма, ве-

ликодержавности трехсекторной экономики, великодержавности новой демократии.

Сумеет ли элита **России** сформировать концепцию новой великодержавности?

Сумеют ли **Кремль и Белый дом** извлечь уроки из российского и советского прошлого, не наступить на грабли прошлого и дополнить внешнеполитическую великодержавность новой, соответствующей XXI веку базой, осуществив внутренние реформы?

Сумеет ли нынешнее руководство России пойти ради таких реформ на кадровую чистку, найдя цивилизованные формы чистки?

Это сейчас главный, ключевой вопрос.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Уроки истории.....	4
2. Проблемы современной великодержавности.....	8
3. Десять опор великодержавности России	12
4. Главная опора великодержавности	14
5. Экономика новой великодержавности.....	16
6. Механизм новой великодержавности.....	19
7. Не наступать на грабли прошлого	23
8. О капитанах и штурманах	30